

Годы войны / отрывок из воспоминаний

Category: Kitapcy, Ýatlamalar

написано kitapcy | 22 января, 2025

Годы войны / отрывок из воспоминаний ГОДЫ ВОЙНЫ

Евгения Николаевна Ершова родилась в Ташкенте в 1924 году в семье москвича Н.Е.Ершова и жительницы Средней Азии О.К.Мединской. С 1925 года, когда её отца после национально-государственного размежевания направили на работу в Туркмению, по настоящее время живёт в Ашхабаде. На заслуженном отдыхе. Около шести десятилетий отдала педагогической и научной деятельности на факультете русской филологии Туркменского государственного университета имени Махтумкули. Е.Н.Ершова – доктор педагогических наук, профессор, автор ряда учебников по русскому языку для вузов и школ.

Указом Президента РФ от 4 ноября 2010 г. N 1302 «за большой вклад в развитие культурных связей с Российской Федерацией, сохранение и популяризацию русского языка и русской культуры за рубежом, в сближение и взаимообогащение культур наций и народностей» Е.Н.Ершова награждена Медалью Пушкина.

■ Годы войны. Незабываемое (отрывок из воспоминаний)

Прошло всего два дня после школьного выпускного вечера. Воскресенье, 22 июня. Был на редкость, даже для Ашхабада, очень жаркий день, наверное, градусов 40. Мы, выпускники 10-А класса школы № 1, собирались встретиться на дне рождения одного из наших, теперь уже бывших учеников, Владимира Степанова, но отпраздновать его день рождения нам не пришлось. Огромная страна во всех её уголках услышала страшное известие – ВОЙНА!

Наши мальчики пошли в военкомат записываться добровольцами.

Отца, который был военным юристом, в армию не призвали. К началу войны ему исполнилось 52 года. Но главное – в тылу тоже

нужны были люди, проходившие неоднократно военную переподготовку.

С каждым днём в ходе войны Туркменистан приобретал всё более важное не только экономическое, но и стратегическое значение. Усилились фашистские происки в Иране. Необходимо было прикрыть южные границы страны. На базе войск Среднеазиатского военного округа была сформирована.

53-ая Отдельная Среднеазиатская армия, управление которой находилось в Ашхабаде. В августе сорок первого года возникла необходимость ввести некоторые дивизии в северные провинции Ирана.

Я помню, как по Октябрьской улице (ныне Туркменбаши шаёлы) двигались к границе войсковые колонны с военным снаряжением, фуражом и – что было особенно важно – с лошадьми. Мамин младший брат, Николай Константинович Мединский, призванный в армию с первых дней войны из города Фрунзе, был направлен в Иран, получив назначение на должность начальника штаба кавалерийского корпуса.

Как вспоминал после Великой Отечественной, начальник дивизионной разведки, в то время капитан Бахши Атаевич Атаев (в послевоенные годы – генерал-майор, начальник военной кафедры Туркменского университета), 27 августа передовые отряды пересекли государственную границу и 17 сентября 1941 года вступили в Тегеран. Угроза вторжения врага через южные границы Родины была предотвращена.

Ашхабад с начала войны был закрытым городом и не принимал беженцев-одиночек, среди которых попадались подозрительные люди, с чемоданами, набитыми деньгами.

Однако эвакуация в Туркменистан коллективов – промышленных предприятий, госпиталей, учебных заведений, учреждений культуры была организована четко.

В годы войны у нас находились в эвакуации тысячи людей из Москвы, Петербурга, Киева, Харькова, Одессы...

* * *

Осенью 1941 года была эвакуирована в Ашхабад Киевская

киностудия. У нас работали режиссеры А.Довженко, М.Донской, И.Савченко, операторы Ю.Екельчик, Б.Монастырский, Д.Демуцкий, П.Горбенко, актеры Н.Ужвий, А.Хвыля, Г.Юра, А.Милютенко, В.Чобур и другие. На базе Ашхабадской киностудии Марк Донской экранизировал роман Н.Островского «Как закалялась сталь» и поставил фильм по сценарию В.Василевской «Радуга», а И.Савченко – «Партизаны в степях Украины» по пьесе А.Корнейчука.

В Ашхабаде в эвакуации жили и работали известные писатели: Юрий Олеша (он регулярно приходил в читательский зал республиканской библиотеки, и нам, тогда студенткам I курса педагогического института, очень хотелось заговорить с автором знаменитых «Трех толстяков»); Агата Турчинская, украинская писательница, создавшая роман с символическим названием «Мой друг – Ашхабад»; поэт и переводчик туркменской поэзии, москвичка Надежда Вольпин; замечательный поэт и чтец Георгий Шенгели, переводчик западной и восточной поэзии (мы знали его переводы Верхарна) и – что особенно было дорого – стихов великого философа и поэта Махтумкули.

Писатели часто выступали у витрины Туркменского Агентства печати «Новости», наискосок от библиотеки. Мы ходили на эти выступления, хоть и боялись оставить свое место в читальном зале, которое тут же могли занять. Среди выступавших была и ленинградская писательница Елена Павловна Серебровская. Находясь в эвакуации, она работала в нашем педагогическом институте – читала курс «Истории критики и журналистики». После войны Серебровская опубликовала трилогию «Маша Лоза». В третьей части этого романа «Друзья с тобой» она описывает Ашхабад военного времени. Многие персонажи имели знакомые прототипы. Елена Павловна пишет об Ашхабадском пединституте, о тогдашнем быте, о хождении в пустыню за черепахами, чтобы накормить семью черепашьим супом, о защите диссертации своей главной героини Маши (автобиографический образ) в Одесском университете, эвакуированном в Байрам-Али.... После войны мы переписывались.

В 1974 году она прислала мне сборник своих стихов «В пути. Любит – не любит». (М.: Советская Россия, 1973). Вот одно из

стихотворений – «Отчизна»:

На лугу ромашки собирала
Под горой, где тихая река.
Ты тогда ещё не знала,
Как твоя Отчизна велика.

Где ты родилась? На Украине
Тополиный пух, черешен цвет,
Мальвы белы, алы. Небо сине,
В мире всём такого неба нет!

Что затем? Нева в седом граните,
Ленинград, чья слава выше звезд...
Но военный ветер, вихрь событий
Далеко на юг тебя занес.

В жаркий край попала ты нежданно,
О котором знала лишь из книг.
Каменной границею Ирана
Копет-Даг перед тобой возник.

Люди незнакомые встречали,
И нашла тогда ты, вся в слезах,
Отражение своей печали
В не похожих на твои глазах.

В красных платьях женщины, кибитка,
Скатерть прямо на цветной кошме,
Кислота прохладного напитка,
Белый жир сухой на каурме.

Если даже в доме не богато,
Гостю – все, что есть. Такой закон.
Тот же над Туркменией, покатый,
Русский, украинский небосклон.

Стал тутовник дубу побратимом.
Все, от желтых трав и до камней,

Постепенно и неотвратимо
Тоже стало родиной моей.

Дети на лугу, а возле мчится
Ледяная горная река.
Мне пришлось на деле убедиться
Как моя Отчизна велика!

Мы, жившие в регионе, куда стекались люди разных национальностей и разного вероисповедания, не замечали проявлений враждебности. В этом была сила нашего многонационального государства.

В трилогии «Маша Лоза» Е.П.Серебровской есть эпизоды, как старик-туркмен помог ей в пустыне, как относились местные жители к ленинград – аял (ленинградской женщине).

* * *

В Туркменистане находились в эвакуации крупнейшие университеты – Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова (МГУ) вместе с Московским институтом философии, литературы, истории имени Н.Г. Чернышевского (МИФЛИ) – в Ашхабаде и Одесский государственный университет имени И.И.Мечникова в Байрам-Али.

Мы, студенты I курса историко-филологического факультета Ашхабадского педагогического института (ныне – ТГУ имени Махтумкули), после своих ходили ещё и на занятия «по комбайну», сдавали потом зачет, хотя особых практических навыков у нас не было.

Но в моей памяти осталось, конечно, прежде всего, пребывание в Ашхабаде МГУ.

В середине ноября папа получил открытку из Москвы от сестры Лидии Поляковой. Она писала, что её младший сын, студент II курса МИФЛИ, Юрий Поляков (ныне – известный историк, академик РАН), вместе с МГУ отправляется в эвакуацию в Ашхабад.

«Зная твое доброе сердце, – писала тетя Лида, – верю, что ты его примешь как родной отец».

По решению Государственного Комитета обороны об эвакуации МГУ

в конце октября – начале ноября 1941 года, в тяжелейшие для столицы дни, из Москвы в Ашхабад стали отправляться эшелоны с семьями профессорско-преподавательского состава, аспирантами и студентами, сотрудниками.

Первая группа эвакуированных из МГУ выехала 22 октября (некоторые студенты вначале даже шли пешком), а встретили мы их только 6 декабря. Вторая группа покинула Москву в ноябре и, преодолевая невероятные трудности, попала в Ашхабад в начале января 1942 года.

В январе 1942 года на всех факультетах МГУ начались занятия. Перед этим, уже в Ашхабаде, в декабре произошло слияние МИФЛИ с МГУ.

К 1 января 1942 года в МГУ было 467 студентов, к 1 февраля – 624 человека, к 1 марта – 736 человек.

Студентам МГУ выдавали, дополнительно к карточкам, талончики «на обед». Это был суп – затируха из темной муки, политая хлопковым маслом. Мы с детства к этому маслу привыкли. Москвичи же называли его «машинным».

В Ашхабад прибыли также более 300 профессоров и доцентов. Никто из членов педагогического коллектива МГУ, к их чести, не покинул его, не отозвался на выгодные по тому времени предложения находящихся в далёком тылу вузов.

Среди профессорско-преподавательского состава были известные ученые: археолог, исследователь древнерусской культуры, открывший берестяные грамоты А.В. Арциховский; филолог П.Г. Богатырев; историк И.И. Минц; математик И.В. Петровский (академик АН СССР с 1946 года, позднее Герой Социалистического Труда, а с 1951 года ректор МГУ)...

Из аспирантов и студентов назову лишь несколько имён: известный академик и правозащитник А.Д. Сахаров; астрофизик И.С. Шкловский; филолог Н.М. Шанский (впоследствии академик АПН, затем АОР).

Многие занятия для студентов МГУ и Ашхабадского пединститута были совместными. Так, на нашем факультете читал лекции известный специалист по русской литературе XIX века Б.П. Казьмин. Позднее он приехал с семьей в Ашхабад, проработал несколько лет, у него были в пединституте аспиранты и

диссертанты.

Студенты МГУ и мы вместе просиживали до закрытия в городской библиотеке. Там было тепло: печку топили саксаулом.

Для занятий МГУ было выделено новое трехэтажное здание в саду Кеши, которое предназначалось для пединститута. Правда, вначале оно было не достроено. Приезжих преподавателей сперва разместили в одноэтажном клубе пединститута, который также находился здесь, но вскоре им предоставили комнаты в квартирах жителей Ашхабада, а студенты стали жить в общежитиях учебных заведений и в школах города.

Помню, как на одной из Всесоюзных конференций по развитию стилистических систем языков, которая проходила в 1967 году в Ашхабаде, одна из участниц, бывшая студентка МГУ, попросила меня отвести её в школу № 19, где были размещены во время эвакуации некоторые студенты. К сожалению, я могла выполнить её просьбу только отчасти – показать лишь место, где находилась эта школа – она была разрушена во время землетрясения 1948 года...

Мне не раз приходилось слышать от эвакуированных в Ашхабад их воспоминания о той поре – «Ашхабад навсегда останется в наших сердцах».

Об этом говорили не только они сами. Но, когда их уже не стало, и их родные и коллеги. Как-то раз я была на биологическом факультете МГУ. Меня попросили в нашем Министерстве образования узнать, как учатся в московских вузах студенты-туркменистанцы. Когда я пришла на кафедру низших растений, меня очень хорошо встретил тогдашний заведующий кафедрой Михаил Васильевич Горленко. Там я увидела большой портрет А.Л. Курсанова, а под портретом бережно охраняемое после кончины Андрея Львовича его кресло. А.Л. Курсанов, академик АН СССР и академик ВАСХНИЛ, Герой Социалистического Труда, рассказывал, по словам М.В. Горленко, о жизни и работе в эвакуации, исследованиях по грибной флоре хранящегося зерна, а также зерна в хранилищах, зараженного амбарным клещем.

В 1941/42 учебном году целый ряд тем институтов и факультетов МГУ в период эвакуации в Ашхабаде был непосредственно связан с разработкой растительного и технического сырья Туркменистана,

полезных ископаемых, экономикой, медициной, ветеринарией, сельским хозяйством, историей и, конечно же, с темами военно-оборонного значения.

Письма из Москвы от тети Лиды приходили довольно часто. Как-то раз она написала: «Сегодня раскололи Юрины лыжи – вдоволь с Соней (сестрой – Е.Ершова) смогли попить горячего чайку...».

Тетя Лида всю войну провела в Москве и впоследствии была награждена медалью «За доблестный труд во время Великой Отечественной войны».

Наступила весна 1942 года. Положение в стране было тяжелое. Первое мая было объявлено рабочим днем. С утра шли занятия, потом – курсы медсестер, а к вечеру – торжественное заседание. Я сначала не хотела идти: слишком свежи ещё воспоминания о прошлогоднем праздничном вечере. Некоторые одноклассники уже погибли... Но бабушка настояла: нельзя не быть, тем более в такое трудное время – это неуважение к государственному празднику, к Родине.

И вот теперь я сравниваю её отношение, уже старой женщины, пережившей социальные перемены, к своему государству с речами современных политических дам-либералок.

Нельзя простить одной из них не только её демагогию, но главное то, как во время югославских событий, одобряя кощунственные действия против федеративного государства, она со своими единомышленниками фланировала мимо Американского посольства с развернутым плакатом – обращением: «Мы с вами», обращением к тем, кто бомбил Югославию.

С наступлением сильной жары пожилым преподавателям МГУ все труднее становилось переносить не привычную, за сорок, температуру. Московский университет был переведен в Свердловск, откуда вернулся в Москву.

Прошли десятилетия. И у москвичей, и у ашхабадцев осталась добрая память о пребывании МГУ в Ашхабаде. Был заключен договор о сотрудничестве двух вузов, который действует и ныне.

* * *

Осенью 1942 года, когда шли тяжелые бои на Сталинградском

фронте, возникла острая необходимость в топливе. Наш Педагогический институт отправили на дровозаготовки в Репетек, который расположен в песках Восточных Каракумов. Там находится Репетекский государственный заповедник, старейший из всех заповедников Туркменистана. Сейчас этому заповеднику век. Он был образован в целях изучения и сохранения песчано-пустынного ландшафта и теперь имеет статус биосферного заповедника. В нем находятся Большая и Малая саксауловые рощи.

Саксаул – пустынное кустарниковое растение с мощной корневой системой. Корни уходят в почву иногда до десяти, и даже более метров. Они-то и служат для закрепления песков, особенно у черного саксаула. Хрупкая, тяжелая древесина идет на топливо. Работа была тяжелая. На заре мы уходили далеко в пустыню, а возвращались поздно ночью. На четверых девушек (звено) была норма – две тонны в день. Бережно относиться к саксаулу, корчевать только то, что подгнило, ощипывать веточки на корм скоту – вот, о чем мы должны были помнить.

Корчевать даже старые деревья с трухлявыми корнями было нелегко. Мы привязывали к стволу веревку и тянули вчетвером. Вспоминаю с благодарностью уважаемого преподавателя туркменского языка Курбана Клычевича Сопиева. В сапогах, с толстой веревкой, с необыкновенной сноровкой, он ходил от одного девичьего звена к другому, помогал нам. Его доброта, стремление прийти на помощь – фамильное качество. Такая черта характера передалась, как я потом убедилась, и его дочери, моей бывшей студентке, с которой я проработала на кафедре почти сорок лет.

Корчевание саксаула, кроме физических трудностей, вызывало у нас, молоденьких студенток, огромный страх. Под трухлявыми корнями жили огромные толстые змеи, вероятно, гюрзы. Надо было проявлять большую осторожность...

Но особый страх мы ощутили, когда увидели в первый раз змею – стрелку, хотя, как потом узнали, укус её не опасен.

Стрелка – змея из семейства ужовых – напугала нас не своим длинным телом, а тем, как она передвигается: бросками, а не так, как обычно ползают змеи.

Когда мы подошли к саксауловому кустарнику, под которым стоял

принесенный нами чайник с драгоценной водой, и увидели, как ожила сухая серая «ветка», а это была змея, мы бросились бежать, будучи уверенными, что туркменская пословица «Сироту и на верблюде змея укусит» – не только иносказание, а прямое соответствие броскам стрелки.

Ещё одна трудность в период саксаулозаготовок – проблема воды. Водопровода на песчано-опытной станции в Репетеке тогда не было. Воду привозили поездом в цистернах и выливали в бетонированное водохранилище на станции. Она пахла нефтью, по поверхности были характерные круги. Конечно, ни о каком купании не было и речи, даже и умывались очень экономно.

Тем не менее, несмотря на бытовые и прочие трудности, мы жили дружно и, хотя газеты привозили редко, а радио не было, жили новостями о боях на Сталинградском фронте. К концу нашего пребывания в Репетеке уже в поезде узнали о великой победе под Сталинградом.

* * *

В Ашхабаде мы снова оказались в привычной студенческой атмосфере. Наряду с занятиями были и дежурства в госпиталях, военная подготовка. Тем не менее, снова начали работать научные студенческие кружки и даже проводились научные студенческие конференции.

Когда была на 3 курсе, в пединституте отмечалось 130-летие со дня рождения М.Ю. Лермонтова. Я выступала с докладом «Родина в творчестве М.Ю. Лермонтова». Доклад занял первое место.

Занималась я и в лингвистическом, и в литературоведческом кружке.

На последнем курсе, в 1944/45 учебном году, выступила с докладом «О переходе частей речи в русском языке», продолжая на конкретном языковом материале – и в историческом, и в синхроническом аспектах – идею академика А.А. Шахматова. Эта идея впоследствии привела меня к изучению взаимосвязи и взаимообусловленности языковых явлений.

Перед пленарным заседанием научной студенческой конференции меня вызвал новый ректор Нагим Аманович Аширов. Он только что

вернулся после длительного лечения в госпитале в связи с тяжелым ранением на Ленинградском фронте.

Аширов был удивительно спокойным, немногословным человеком, блестящим знатоком туркменской литературы. На фронт он ушел аспирантом – востоковедом.

Нагим Аманович задал мне неожиданный вопрос: сохранился ли у меня талон на промтоварной карточке.

Во время войны было два вида карточек – главные, продуктовые, которыми очень дорожили и боялись потерять, и промтоварные, их обычно «не отоваривали», – талоны постепенно становились недействительными.

У меня такой талон был, как обычно, не использованный. Но меня и удивил и смутил вопрос ректора.

Нагим Аманович разъяснил, что в студенческом магазине получена обувь, которую будут «выдавать» по этому талону. Мне выдадут в бухгалтерии соответствующую сумму. Я должна буду получить туфли, затем принести их в кабинет ректора.

Через несколько дней на закрытии научной студенческой конференции, я, как и другие авторы лучших докладов, в торжественной обстановке получила свою «премиальную» обувь.

* * *

Наступил 1945 год. Вера в Победу, даже в самые страшные периоды войны, никогда не покидала нас...

Мы, девочки, выпускницы школы №11941 года, старались все прошедшие годы переписываться со своими бывшими товарищами. Но писем приходило все меньше и меньше. Почти все мои одноклассники отдали жизнь за Родину.

Нам оставалось только навещать матерей тех, скорбные известия о гибели которых приходили на протяжении горьких месяцев войны.

А как они были талантливы, наши мальчики: замечательный музыкант Георгий Микиртычев, умерший в госпитале от ран; талантливый математик Олег Бартеньев; бесстрашный Сурен Бабаханов, погибший в Ставропольском крае; великолепный литератор и замечательный чтец Игорь Шевлаков; Юрий Фалалеев,

увлекающийся авиамоделизмом...

Самая регулярная переписка у меня была с одноклассником, с которым мы три года просидели за одной партой. Это был Георгий Шаткарь. Он попал к нам, когда мы уже учились в 8 классе.

Его отец до войны был переведен в Пограничные войска, дислоцирующиеся на юге Туркмении.

Георгий с первых дней войны ушел добровольцем на фронт. Стал капитаном минометных войск, находился на самых тяжелых участках боев, по-видимому, на 2-ом Белорусском фронте. Было нельзя писать – где. Последний номер его полевой почты – 54270 М. Он имел много боевых наград. Одна из первых – Медаль «За отвагу», и он с юмором написал: «Я теперь отважный». Погиб в Восточной Пруссии, под Браунсбергом (теперешнее польское «Бранево») 16 февраля 1945 года, не дожив трех месяцев до Победы.

Единственный сын. Его отца я не знала: в начале войны он был переведен из Ашхабада, а мать, Александра Прохоровна, оставалась некоторое время в Туркмении, надеясь на возвращение сына...

Я берегу его фронтовые треугольнички, сложенные пополам военные открытки – именно в них гораздо раньше, чем в книгах, было стихотворение Симонова «Жди меня, и я вернусь...»...

Долгожданная Победа была самым счастливым, хотя и вместе с тем печальным днем («со слезами на глазах») в жизни каждого. Да и сейчас, спустя теперь уже более шестидесяти пяти лет со Дня Победы, для нашего поколения этот день остается священным праздником. Утром 9 мая 1945 года люди шли и шли на площадь Карла Маркса в центре Ашхабада. Возникали стихийные митинги. Кричали «Ура!», пели, танцевали. Обнимались с незнакомыми людьми и... плакали. Потом многие так же «стихийно» шли на телеграф, чтобы послать поздравительные телеграммы родным и близким. Но многих, кого хотелось бы поздравить, уже не было в живых...

#

<http://webkamerton.ru/2011/05/gody-vojny-nezabyvaemoe-otryvok-iz-vozpominanij/> Ýatlamalar